

УДК 001+94

ББК 72.3

И. Р. Гарри

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
РЕГБИ ЕШИЕВИЧА ПУБАЕВА (1928–1991) (I)

Статья посвящена жизни и научной деятельности доктора исторических наук Р. Е. Пубаева. Освещаются основные этапы его биографии, дается анализ научных работ ученого.

Ключевые слова: Пубаев, тибетология, монголоведение, буддология, история Тибета.

I. R. Garri

ON THE 90TH ANNIVERSARY
OF THE REGBI PUBAEV'S BIRTHDAY

The article analyzes the life and academic activity of Dr. Regbi Pubaev. It highlights the main stages of his biography and academic works.

Keywords: Pubaev, Tibetan, Mongolian, Buddhist studies, history of Tibet.

Регби Ешиевич Пубаев родился в 1928 г. в урочище Алха, тогдашнего сомона Турга Адун-Челунского хошуна (ныне Оловянинский район Читинской области), в семье скотоводов Пубажаба Ешиева и Цыбегмит Санжаевой. Семейство Пубаевых и их родственники были потомками выходцев из Баргузина рода хэнгэлдэр племени эхирит, откочевавших в Агинские степи в XIX в. Адун-Челун, находившийся на берегу Онона, был одним из основных районов, откуда происходила эмиграция бурят на территорию Китая в местность Шэнэхэн. По этой причине в связи с зачисткой региона от белой эмиграции и коллективизацией, бурятское население было переселено в 1933–1934 гг. с берегов Онона севернее в местность под названием Хара-Шибирь. В 1935 г. там образовался знаменитый впоследствии на всю страну колхоз им. Кирова под руководством легендарного председателя, Героя Социалистического Труда

Бальжинимы Мажиевича Мажиева. Отец Регби Ешиевича, будучи грамотным, работал в колхозе ветеринарным фельдшером; младший брат отца, дядя Доржи-Самбу, был председателем другого агинского колхоза – «Россия», репрессирован и расстрелян в 1937 г.; мама была домохозяйкой. В семье родилось 14 детей, из которых выжили только шестеро. После рождения троих – Бутид, Регби и Баира остальные дети умирали друг за другом. Тогда мама Регби Ешиевича отдала последних троих детей в другие семьи, и там они выжили. Это были Володя, Янжима и Дондок [II]. Несмотря на то что дети воспитывались в разных семьях, они по бурятскому обычаю тесно общались с родной семьей и всегда знали, что родились в семье дедушки – баабай Пубажаба.

Так получилось, что детство Регби Ешиевича пришлось на время, когда коренным образом менялся традиционный уклад бурятского общества. Дети

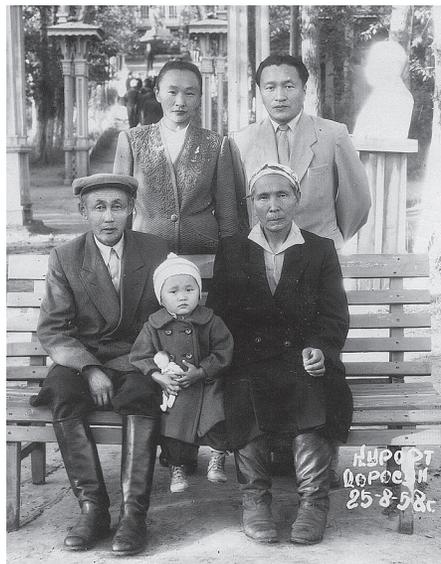

ГАРРИ Ирина Регбиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: irina.garri@imb.tu.

военного времени жили в интернате и учились в школе, а в летнее время помогали взрослым работать в колхозе. По воспоминаниях их первой учительницы из Украины, которая приехала в далекий край по разнарядке, ее поражаало рвение и тяга бурятских ребят к знаниям. Получая советское образование в школе, в семье дети воспитывались в бурятских традициях. Особенно большое влияние на Регби Ешиевича оказала его тетя, по прозвищу Хубуухон, старшая сестра отца, жившая вместе с семьей брата. Она была очень религиозной, в нашем доме в Хара-Шибири всегда горели лампы в ее домашнем алтаре, делались подношения бурханам. В основном она, будучи большой труженицей, помогала отцу материально во время его учебы в Ленинграде. В селе также жил Дамбадай-дедушка, так все его звали, бывший лама. Он пользовался огромным уважением, и все жители всегда обращались к нему за помощью и молитвами. В 2000-х гг. благодарные сельчане поставили в начале села ступу в честь своего доброго наставника. Так любовь к родине, ее истории и культуре, неразрывно связанной с культурой Востока, определила жизненный путь юноши-степняка.

После окончания школы Пубаев поступил в Агинское педагогическое училище, которое окончил с отличием в 1947 г. и поступил в Иркутский государственный университет. В 1948 г. со 2-го курса перевелся на восточный факультет Ленинградского госуниверситета, в котором до него учились его знаменитые земляки Цыбен Жамцарано, Базар Барадин, Гомбожаб Цыбиков.

Хандажаб Батуевна, Регби Ешиевич, отец
Хандажаб Батуевны – Базаржаб, старшая дочь
Сэсэг, мать Регби Ешиевича – Цыбегмит

Примечательна история бурятских студентов, поступивших в знаменитый университет. Трудно передать энтузиазм и восторг улусных парней и девушек, попавших в прославленный город на Неве. Плохо одетые, полуголодные, с акцентом говорившие на русском языке, некоторые из них получившие ранения на фронте бурятские студенты оказались в стенах университета, в котором лекции читали выдающиеся ученые-востоковеды довоенного времени – академики С. А. Козин, В. В. Струве, В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, А. П. Баранников, члены-корреспонденты А. Ю. Якубовский, М. Н. Боголюбов, профессора Н. В. Цапкин, Н. Н. Кюннер, Г. В. Ефимов и мн. др. По воспоминаниям бурятских выпускников-восточников, жизнь в Ленинграде в послевоенное время была очень трудна. У.-Ж. Ш. Дондуков вспоминал, как первая партия бурятских студентов отправилась в Ленинград через Москву в товарных вагонах-теплушках и только через 14 суток прибыла в Москву, а Регби Ешиевич рассказывал, как они с его земляком и лучшим другом Б.-Д. Б. Бадараевым едва ли не с одной булкой хлеба на двоих добирались до родной Аги на третьей пол-

ке общего вагона. Однако «студенческие годы, проведенные в стенах самого престижного, легендарного и прославленного в мировой науке университета, были, несомненно, самыми светлыми, счастливыми и оптимистичными» [Дондуков 2008: 115]. Многие бурятские студенты, окончившие Ленинградский университет, стали впоследствии известными кандидатами и докторами наук, внесшими весомый вклад в науку Бурятии [III].

В университете Р. Е. Пубаев учился на монгольском отделении на кафедре истории стран Дальнего Востока. Из всех бурятских студентов к тибетологии тяготели лишь двое: Р. Е. Пубаев (историк) и Б.-Д. Б. Бадараев (филолог). В университете не было проблем со специалистами высшей категории по монголистика, ситуация с тибетологией была иной. Тибетский язык студентам преподавал индолог В. С. Воробьев-Десятковский, сам учившийся на несколько курсов старше и ставший впоследствии известным востоковедом. Непосредственными учителями Р. Е. Пубаева по истории стран Дальнего Востока и Тибета были в т. ч. профессора-синологи Н. В. Кюннер и Г. В. Ефимов.

Окончив в 1952 г. университет по специальности «История зарубежного Востока», Р. Е. Пубаев был рекомендован в аспирантуру при кафедре истории стран Дальнего Востока. Во время учебы в аспирантуре преподавал бурятский язык в театральном институте им. А. Н. Островского и русский язык обучающимся в Ленинграде монгольским студентам. В 1955 г. под руководством профессора Н. В. Кюннера защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экспансия Англии в Тибете и борьба тибетского народа против английских захватчиков», на основе которой были написаны «Очерки политической истории Тибета». После окончания аспирантуры Р. Е. Пубаеву предложили работать преподавателем тибетского языка и истории Тибета на кафедре истории стран Дальнего Востока. Однако Регби Ешиевич был вынужден отказаться от этого лестного предложе-

ния по семейным обстоятельствам. Его жена Хандажаб Батуевна очень тяжело переносила сырой ленинградский климат и очень скучала по солнечному Забайкалью, да и сам Регби Ешиевич, по правде говоря, хотел уехать на родину и работать там по своей специальности.

Приехав в Улан-Удэ, молодой ученый становится преподавателем истории древнего мира в Бурятском государственном педагогическом институте им. Доржи Банзарова и Республиканской партийной школы. С 1958 г. Регби Ешиевича приглашают на работу в отдел зарубежного Востока вновь созданного Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (позднее Институт общественных наук, ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), где он трудился до конца своих дней, в течение длительного времени возглавляя сектор истории культуры народов Востока, сектор тибетологии, сектор буддологии и отдел памятников письменности Востока.

Наряду с основной работой Регби Ешиевич уделял много внимания изучению архивных документов в Центральном государственном архиве Бурятской АССР. В течение 1957–1958 гг. он разобрал и обработал все бурятские документы на старомонгольской письменности, выделил их в 6 фондов (по степным думам) и составил их опись в трех книгах. Научная оценка архивных материалов дана им в статье «Архивные документы по истории Бурятии на старомонгольской письменности» в сборнике «Архивное дело в Бурятской АССР» (Улан-Удэ, 1960). Р. Е. Пубаев в своей статье писал: «Вот эти-то документы (т. е. не переведенные на русский язык писарями-переводчиками. – *Авт.*) и представляют большую ценность как источники, раскрывающие социально-экономические отношения и быт бурятского народа. Они, к сожалению, оставались вне поля зрения исследователей. Это наложило определенный отпечаток на современную бурятскую историографию, в которой основ-

ное внимание уделялось политической истории русско-бурятских отношений, на колониальную политику в Забайкалье и в меньшей степени на социально-экономические отношения в бурятских улусах» (с. 44–46). В этом же сборнике ученый опубликовал статью «Архивные документы на старомонгольской письменности об образовании Агинской степной думы», в которой приводит на основании использованных источников новые сведения по истории агинских бурят, вводит в оборот и дает перевод некоторых важных документов по образованию Агинской степной думы.

Сейчас уже ни для кого не секрет, как трудно было заниматься в советскую эпоху востоковедными, а тем более религиоведческими исследованиями. Для этого требовалось помимо профессиональной подготовки и немалое личное мужество, как пишут коллеги Регби Ешиевича с. н. с. Н. Д. Болсохоева и проф. С. Ю. Лепехов [IV]. Религия продолжала считаться пережитком феодализма, и ею разрешали заниматься исключительно в практических целях – для преодоления тех самых пережитков и улучшения научно-практической пропаганды. Отдел зарубежного Востока БКНИИ СО РАН получил задание обкома КПСС исследовать «пережитки ламаизма в Бурятии», а Регби Ешиевич назначен руководителем историко-этнографической экспедиции, которая в течение 5 лет (1961–1966) исследовала современное состояние буддизма и традиционных верований бурят в Тункинском, Баргузинском, Хоринском, Еравнинском, Джидинском районах и Агинском автономном округе. «Нет худа без добра!» – написал по этому поводу в рукописи статьи о Регби Ешиевиче – Тимур Ламбаев [2008]. Экспедиция собрала богатейший материал по положению буддизма в этнической Бурятии, который вылился в целый ряд научных статей и монографий, а также обстоятельнейших отчетов сотрудников института (Р. Е. Пубаева, К. М. Герасимовой, Т. М. Михайлова и др.) о религиозной ситуации в Бурятии,

истории буддизма и шаманизма, традиционных верований бурят, которые были по существу пионерскими в советском востоковедении, несмотря на то что издавались под «атеистическими» названиями. Р. Е. Пубаев вместе с членами экспедиции написал работу «Религиозные пережитки среди бурятского населения и пути их преодоления», которая сохранилась в рукописи. В ней Р. Е. Пубаевым написаны следующие разделы: «Введение», «Ламаистская церковь в СССР», «Массовые молебствия в Иволгинском дацане», «Причины существования и пути преодоления религиозных пережитков». Совместно с Б. В. Семичовым Р. Е. Пубаев издал брошюру «Происхождение и сущность буддизма-ламаизма» (Улан-Удэ, 1960). Кроме того, Регби Ешиевич участвовал в составлении научно-атеистических сборников «Критика идеологии ламаизма и шаманизма» (Улан-Удэ, 1965), «Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций» (Улан-Удэ, 1969) и т. д. Следует отметить, что «атеистическая» сторона служила лишь «обрамлением» этих работ, в то время как основное внимание уделялось сути буддийского вероучения и фактической религиозной ситуации в республике, как-то: описанию хуралов в дацанах, традиционных религиозных обрядов и обычаев, похоронного обряда и т. д.

Занимаясь проблемами бурятского источниковедения и религиоведения, Регби Ешиевич никогда не оставлял своей главной специальности – тибетологии и монголоведения, которую получил в Ленинградском университете. На протяжении двух десятков лет он пытался издать «Очерки политической истории Тибета в XVIII – начале XX в.», написанные им на основании кандидатской диссертации. Материалы личного архива ученого свидетельствуют о том, что публикацию «Очерков» не пропустил МИД СССР по цензурным соображениям. Тем не менее Р. Е. Пубаев опубликовал по новой истории Тибета ряд статей: «Из истории освободительной борьбы тибетского народа в период китайской ре-

волюции 1911–1913 гг.» (Ученые записки БМГПИ им. Д. Банзарова. Вып. 14. Улан-Удэ, 1958), «Новый тибетский документ из коллекции проф. Г. Ц. Цыбикова» (Труды БКНИИ. 1960. Вып. 14), «Некоторые вопросы социально-экономических отношений в Тибете конца XIX в.» (Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. Улан-Удэ, 1965), «Тибетско-сикхский договор 1842 года» (Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970) и др. Пубаев также принимал участие в росписи рукописи тибетско-английского словаря Ю. Н. Рериха на карточки. Им и Б. В. Семичовым расписано на карточки 20 % рукописи (основную часть этой работы выполнил Семичов).

Вообще Р. Е. Пубаев ставил перед собой и своим коллективом чрезвычайно масштабные планы и задачи, так что их успешная реализация могла бы состояться лишь при очень слаженной работе коллег-ученых, поддержке со стороны руководства и благоприятной идеологической обстановке. На первом Всесоюзном совещании по буддологии, которое состоялось в Улан-Удэ в 1977 г., Регби Ешиевич сделал доклад на тему «Проблемы разработки и публикации тибетских и монгольских источников по буддизму». Основные задачи источниковедения махаянского буддизма в странах Центральной Азии в средневековую эпоху он видел в «изучении двух крупнейших собраний – Ганчжур и Данчжур на тибетском и монгольском языках, исследовании памятников “пяти больших” и “пяти малых наук” буддизма, разработке терминологии “пяти больших” и “пяти малых наук” буддизма на основе лексического материала энциклопедического словаря Данчжура “Источник мудрецов” в 11 книгах, в изучении тибетских и монгольских источников по истории буддизма в странах Центральной Азии».

Однако исполнение многих из поставленных задач наталкивалось на множество препятствий, так что зачастую оказывалось невозможным продолжать работать над ними дальше. Так, по ини-

циативе Регби Ешиевича был начат в соавторстве с Б. Д. Дандароном перевод и исследование тибетско-монгольского словаря «Источник мудрецов», в котором представлена вся терминологическая и доктринальная лексика буддизма. Участие в проекте такого знатока тибетского языка и буддизма, как Бидия Дандарович, сулило хорошие перспективы для реализации плана. В 1968 г. был опубликован первый выпуск словаря по Праджняпарамите и Мадхьямике (всего предполагалось 11 выпусков), однако он сразу же встретил резкую критику, так что даже стоял вопрос об отзыве всего тиража. В вину авторам ставилось то, что они не дали во введении критики идей Праджняпарамиты и Мадхьямики. Последовавшее «дело Дандарона», сломавшее судьбу большого ученого, оказало самое негативное влияние и на положение Регби Ешиевича. Он был снят с должности заведующего сектором буддологии (который был также упразднен) из-за того, что категорически отказывался от публичного осуждения своего старшего коллеги. «Дело Дандарона», снятие с должности, партийные взыскания и бесконечная критика в адрес Р. Е. Пубаева оказали на него тяжелое моральное воздействие. Вслед за «делом Дандарона» Р. Е. Пубаев получил партийное взыскание с занесением в учетную карточку за то, что одобрил как редактор «идейно-теоретически ошибочную работу» Ц.-А. Н. Дугарнимаева «Литературное наследие Р. Номтоева». Была подвергнута острой критике работа его аспиранта А. Уржанова, в которой усмотрели «буржуазный объективизм, пропаганду буддизма, идеализацию прошлой культуры бурят».

В письме первому секретарю Бурятского обкома КПСС А. У. Модогоеву Р. Е. Пубаев писал, что не согласен с оценкой его работы как «буржуазного объективиста или националиста, который как будто бы занимается пропагандой буддизма или восхвалением устаревших традиций прошлой культуры бурятского народа и народов Центральной Азии». В письме

профессору Р. Ф. Итсу Регби Ешиевич писал: «Дорогой друг, в связи с делом Дандарона мы не знаем покоя уже полгода, треплют нас, в первую очередь меня, на всех инстанциях, чем все это кончится – еще неизвестно. Все это тяжело переносить, но еще тяжелее, когда всякая твоя работа будет ставиться под сомнение, вплоть до диссертации аспиранта, который будто бы под влиянием своего руководителя допустил объективизм и т. д.». Несмотря на все эти трудности, Регби Ешиевич продолжал трудиться над исследованием «Источника мудрецов» и все еще пытался организовать совместную работу по его переводу. В архиве ученого имеются личные рукописи перевода, а также переводы, сделанные по его просьбе В. Н. Пупышевым (по Ваджраяне) и Б. В. Семичовым (по Абхидхарме). Причем рукописи последнего написаны на тетрадах, которые Борис Владимирович посылал, будучи уже тяжело больным. Но, к сожалению, проект так и остался незавершенным.

Делом всей научной жизни Пубаева стало исследование фундаментального труда «Пагсам-Чжонсан», написанного в 1748 г. крупнейшим тибетским ученым из Амдо – Сумба-Хамбо Ешей Бальчжором (1704–1788). Регби Ешиевич определял исторический труд Сумба-Хамбо как самое крупное произведение тибетской историографии (317 л. большого формата) [V] заключительного этапа ее развития, являющегося своего рода энциклопедией по странам Южной, Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до середины XVIII в. Заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Ленинградского университета Г. Я. Смолен в официальном отзыве на докторскую диссертацию Р. Е. Пубаева от ведущего учреждения писал: «Чтобы должным образом уяснить и по достоинству оценить трудоемкость и сложность стоявшей перед Р. Е. Пубаевым как переводчиком “Пагсам-Чжонсан” задачи, достаточно отметить, например, следующее: одно из самых серьезных препятствий ...

состоит в том, что в книге Сумба-Хамбо сплошь и рядом встречаются извлечения из многочисленных и разнородных собственно исторических либо близких к ним по содержанию сочинений, созданных в разные исторические периоды и в самых различных частях Центральной Азии. Иными словами, за перевод, комментирование и исследование подобного памятника мог взяться лишь специалист высшей квалификации, который не только является знатоком тибетского языка и его диалектов в их историческом развитии, но и способен столь же умело ориентироваться в многообразии и тонкостях категорий традиционной культуры, терминологии и прочих аспектов тибетского духовного наследия. Р. Е. Пубаев с указанной задачей успешно справился».

Перевод и исследование «Пагсам-Чжонсан» Регби Ешиевич планировал сделать в нескольких выпусках. Первой должна была выйти монография, посвященная исследованию памятника. Она была закончена и включена в план изданий Сибирского отделения Академии наук в 1975 г., однако вышла в свет только через 6 лет, в 1981 г., после учета всех критических замечаний, сделанных рецензентами, т. к. публикация научных трудов в советское время требовала согласования на всех инстанциях, вплоть до МИД, прохождения через целую систему рецензирования научных учреждений, занимающихся востоковедными исследованиями. После выхода монографии Регби Ешиевич защитил в 1982 г. докторскую диссертацию на ученом совете в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, став первым в стране доктором по истории Тибета. Работу ученого высоко оценили официальные оппоненты д. и. н. И. Ш. Шифман, д. и. н., проф. Р. Ф. Итс, д. и. н., чл.-кор. АН СССР Г. М. Бонгард-Левин.

В 1991 г. вышла вторая часть исследования «Пагсам-Чжонсан», представляющая собой перевод «Генеалогии царей Тибета» и «Хронологических таблиц» с предисловием и обширными комментариями

ями, представляющими текстологические проблемы, идентификацию собственных имен, географических названий, толкование специальных буддийских терминов и названий сочинений. Регби Ешиевич был очень рад тому, что его многолетний труд стал материализоваться и многолетние исследования памятника увидели свет. Однако выход второй части исследования застал Регби Ешиевича уже тяжело больным, и в этом же году он скончался. Полный текст перевода «Пагсам-Чжонсан» сохранился в рукописях, представляющих десятки исписанных мелким каллиграфическим почерком больших канцелярских тетрадей, перепечаток отдельных глав сочинения, записных книжек с комментариями [VI].

Регби Ешиевич стал пионером изучения в нашей стране тибетского буддийского канона Ганчжур и Данчжур и тем самым многих вопросов, связанных с анализом этого компендиума духовной мысли Востока, а именно: проблем тибетского источниковедения, историографии, истории буддизма, хронологии, космологии, классификации средневековых тибетских наук, а также научного описания и каталогизации памятников тибетской письменности. Первым шагом в исследовании тибетского буддийского канона явилась коллективная монография под редакцией Пубаева «Введение в изучение Ганчжура и Данчжура» (Новосибирск, 1989), в которой Регби Ешиевичу принадлежит глава «Сочинения Данчжура по средневековым наукам». Его концепция по проблемам классификации содержится в статье «Об изучении источников по средневековым наукам на тибетском и монгольском языках» в сборнике «Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии» (Новосибирск, 1989), а также в серии статей, изданных в региональных, центральных и зарубежных журналах.

Еще одним направлением тибетологических исследований, на которое Пубаев обращал серьезное внимание, было

исследование религиозно-философских школ тибетского буддизма. В статье «Тибетская историко-философская литература», опубликованной в сборнике «Источниковедение и историография истории буддизма» (Новосибирск, 1986) под его редакцией, автор рассматривает и дает оценку произведениям тибетской литературы данного жанра. Он планировал осуществить перевод и исследование замечательного труда Тугана Лобсана Чоки Нимы (1737–1802) «Хрустальное зеркало философских систем», которое он намеревался выполнить в соавторстве с коллективом молодых ученых-тибетологов [VII].

Наряду с тибетологическими исследованиями Пубаев интенсивно занимался монголоведением. Он очень любил Монголию, имел там много друзей и часто туда выезжал. В 1966–1970 гг. Регби Ешиевич возглавлял работу по исследованию истории культуры Монгольской Народной Республики, результатом которой явилась коллективная монография «Очерки истории культуры МНР» (46 п. л.; Улан-Удэ, 1971), получившая высокую оценку ученых-специалистов. Он руководил долгосрочным советско-монгольским научным проектом «Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии». Результаты исследований советских и монгольских востоковедов изложены в сборнике «Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии», посвященном памяти академика Ц. Дамдинсуре (1908–1986) (Новосибирск, 1989). Среди статей по монголоведению отметим следующие работы Пубаева: «Некоторые данные о развитии культуры и экономики МНР» (Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. Улан-Удэ, 1965.), «Материалы по истории монголов в труде “Пагсам-чжонсан” Ешей-Бальчжора» (Материалы и исследования по Монголии. Улан-Удэ, 1974), «Генеалогическая таблица торгутского князя Хой-Урлуга в сочинении Сумба-Хамбо “Пагсам-Чжонсан”» (Проблемы этноге-

неза калмыков. Элиста, 1984), «Монгольская научная терминология XVIII века» (Культура Монголии в средние века и новое время. Улан-Удэ, 1986), «Монгольский перевод С. Шагжи историко-философского сочинения Тугана “Хрустальное зеркало”» (Доклады российских делегатов к V Международному конгрессу монголоведов. М., 1987).

В последние годы жизни Р. Е. Пубаев стал посвящать монголоведению и бурятоведению все больше внимания. Он перевел с монгольского языка пособие по монгольской астрологии «Зурхай» (Улан-Удэ, 1991) Л. Тэрбиша, которое пользуется большой популярностью в нашей республике. Он также перевел с классического письменного монгольского языка изданную во Внутренней Монголии «Краткую историю бурят-монголов» бодонгутского Абида, перевод которой хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

Пубаев владел классическим тибетским, разговорным и письменным монгольским, английским и французским языками, сетовал на то, что ему не хватает для научной работы знания китайского, санскрита и разговорного тибетского. Конечно, Регби Ешиевич прекрасно владел своим родным бурятским языком, знание которого считал необходимым для понимания истории и культуры бурят. Помимо разбора материалов степных дум, он многое сделал для освещения жизни и деятельности выдающихся бурятских деятелей, таких как Петр Бадмаев, Агван Доржиев, Галсан-Жимба Тугулдууров, Галсан-Жимба Дылгыров, Гомбожаб Цыбиков, Цыбен Жамцарано, Буда Рабданов. Опубликованные им статьи вошли в основанную Ш. Б. Чимитдоржиевым известную серию (8 выпусков), посвященную выдающимся бурятским деятелям.

Будучи одним из зачинателей и организаторов востоковедной науки в Бурятии, что требовало большой отдачи душевной энергии и времени, Пубаев значительное внимание уделял редактор-

ской работе. Под его редакцией вышли такие известные труды бурятских ученых, как «Описание сочинений Гунчен Чжамьян Шадпа Дордже» П. И. Хадалова, Б. Д. Дандарона и Л. Я. Ямпилова (Улан-Удэ, 1962), «Об основах транскрипции и транслитерации тибетского языка» Б.-Д. Б. Бадараева (Улан-Удэ, 1967), «Обычное право хоринских бурят» Б. Д. Цибилова (Улан-Удэ, 1966), «Обычное право селенгинских бурят» Б. Д. Цибилова (Улан-Удэ, 1970), «Зерцало мудрости: памятник бурятской литературы» Ц.-А. Н. Дугарнимаева (Улан-Удэ, 1966), коллективная монография «Очерки истории культуры МНР» (Улан-Удэ, 1971), «Абхидхармакоша» в переводе Б. В. Семичова и М. Г. Брянского (Улан-Удэ, 1980), «Очерки тибетской медицины» Э. Г. Базарона (Улан-Удэ, 1984), коллективная монография «Введение в изучение Ганчжура и Данчжура. Историко-библиографический очерк» (Новосибирск, 1989), «“Чжудши” – памятник средневековой тибетской медицины» в переводе Д. Б. Дашиева (Новосибирск, 1989), «Избранные труды» проф. Г. Ц. Цыбилова (Новосибирск, 1991), коллективный труд ученых Москвы, Бурятии, прибалтийских стран «Атлас тибетской медицины» под научной редакцией Ю. М. Парфионовича (Р. Е. Пубаев – отв. ред. статей бурятских ученых) (М., 1994), а также ряд академических востоковедных сборников, изданных в Сибирском отделении АН издательства «Наука».

Востоковедная наука, которой Пубаев занимался на протяжении всей своей жизни, требовала от ученого осведомленности о состоянии мировой науки в его отрасли знания и взаимодействия с коллегами-востоковедами не только у себя на родине, но и за рубежом. Регби Ешиевич представлял бурятскую науку на многих международных форумах в составе советских делегаций. Он участвовал в 1–5 всемирных конгрессах монголоведов, конференциях АБКМ в Улан-Баторе и Улан-Удэ, Всемирном конгрессе санскритологов (1980) в Индии,

Международном симпозиуме, посвященном 200-летию со дня рождения выдающегося венгерского тибетолога А. Чома де Кёрёша (1984) в Венгрии, семинаре Международной ассоциации по тибетологическим исследованиям (Нарита, 1989) в Японии, международной конференции по тибетскому Гэсэру (Чэнду, 1990) в Китае и во мн. др. Он также выезжал в зарубежные научные командировки по плановому заданию Академии наук СССР, работал в библиотеках и архивах Монголии и Непала, выступал с лекциями и докладами.

Архив Регби Ешиевича сохранил его обширную переписку с учеными-коллегами и друзьями из Санкт-Петербурга, Москвы, Монголии, Индии, европейских стран (Б. И. Кузнецовым, Л. К. Герасимович, Л. А. Березным, Е. И. Кычановым, Р. Ф. Итсом, Г. М. Бонгард-Левином, Н. Ц. Мункуевым, старшим братом Далай-ламы проф. Норбу, Локешом Чандрой, Б. Ринченом, Ц. Дамдинсуреном, Ш. Бирой, Ш. Нацагдоржем, Й. Колмашем, К. Сагастером, В. Хейсигом, Г. Ураи, Г. Ветлинфальви, М. Таубе, К. Ланге, О. Латимором и др.). Гостей, приезжавших в Бурятию, Регби Ешиевич всегда приглашал к себе домой. Самой длительной и теплой была переписка с Б. И. Кузнецовым. Из писем двух друзей (Он сохранял копии своих писем) предстает нелегкая жизнь советского ученого с его радостями и огорчениями. Бронислав Иванович и Регби Ешиевич обменивались новостями личной жизни и работы, обсуждали дела монголо-тибетской кафедры ЛГУ, дальнейшие перспективы учившихся там бурятских студентов и многое другое, но основное внимание они уделяли проблемам тибетологии, не уставая обмениваться мнениями по поводу той или иной работы, новой интересной книги, разбору какого-нибудь термина и т. д.

По жизни и работе Пубаев много общался и с представителями буддийской церкви. В секторе Музея восточных культур, заведующим которого был П. Б. Бал-

данжапов, работали бывшие ламы, такие как Жимба-Жамсо Цыбеневич Цыбенев, Лодой Ямпирович Ямпиров, Гымпил Гомбожапович Гомбожапов, Мункэ Дашиевич Дашиев, Готоб Эрдынеевич Ринчинов, Дашинима Дамдинович Бадмаев, отличающиеся большой буддийской ученостью. Регби Ешиевич занимался с ними тибетским языком, консультировался по поводу переводов тибетских текстов. Он имел тесные связи с руководством Иволгинского и Агинского дацанов – хамбо-ламами Жамбал-Доржи Гомбоевым, Жимба Эрдынеевым, Жамьян Шагдаровым, эмчи-ламой Чимит-Доржи Дугаровым и др. Когда в Бурятию приезжали столичные и зарубежные делегации, в т. ч. представители буддийских религиозных кругов, Регби Ешиевич сопровождал их в бурятские дацаны, знакомил с руководством сангхи, историей буддизма в Бурятии, распорядком и религиозной деятельностью дацанов.

Большое влияние на Регби Ешиевича оказали визиты представителей тибетской диаспоры в Бурятию (Далай-ламы, проф. Норбу, Бакулы Римпоче и др.), благодаря которым он воочию соприкоснулся с миром тибетской культуры. Первыми в череде визитов были приезды старшего брата Его Святейшества Далай-ламы – профессора Норбу. Регби Ешиевич тесно общался с профессором, сопровождал его в дацан и на экскурсии по городу, устраивал встречи с учеными института, приглашал в гости домой. Профессору Норбу была очень близка Бурятия. Его учителем был известный буддийский ученый – бурят Агван-Нима Цэдэбдоржийн из с. Дабаты Заиграевского района. Профессор хорошо говорил по-монгольски, интересовался жизнью и деятельностью Агвана Доржиева. Хамбо-лама Ж. Эрдынеев предоставил ему автобиографию А. Доржиева на старомонгольской письменности, которую профессор перевел впоследствии на английский язык.

Дальнейшее знакомство Пубаева с живой тибетской традицией состоялось

в Непале, который он посетил во время трехмесячной научной командировки в 1985–1986 гг. В Непале ученый работал в Национальном архиве, посещал тибетские буддийские монастыри, знакомился с деятельностью буддийских организаций Непала, беседовал с ведущими непальскими буддийскими деятелями и учеными.

В сентябре 1986 г., когда Регби Ешиевич уже вернулся из Непала, состоялся памятный визит в Россию Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензин Гьяцо. Вышестоящие органы поручили Пубаеву как специалисту-тибетологу сопровождение высокого гостя. В архиве ученого сохранилось большое количество материалов, связанных с пребыванием проф. Норбу и Его Святейшества Далай-ламы в Бурятии и СССР. Знакомство и тесные контакты с высшими лицами Тибета оказали на Регби Ешиевича самое глубокое впечатление. В справке о визите тибетской делегации Далай-ламы в Советский Союз Пубаев подробно описывает визит Его Святейшества, особенности религиозной деятельности Далай-ламы в Бурятии, его взгляды по вопросам борьбы за мир, взаимоотношений между Пекином и Дхарамсолой, специфики буддизма и современной науки. В заключение своей справки Пубаев отмечает: «Влияние и власть Далай-ламы в колонии тибетских беженцев в Индии безраздельны, его мировая известность и международный авторитет велики, его популярность и высокий авторитет в собственно Тибете остаются непререкаемыми». Он также пишет: «Далай-лама XIV Тензин-Гьяцо, несомненно, тонкий политик и дипломат, глубокий знаток буддийской философии и убежденный буддист, большой патриот Тибета, но вместе с тем он человек жизнерадостный и простой, нигде не выказывает и никогда не говорит, что он человек святой, перерожденец и т. д.». Он отмечает, что Далай-лама любит прямой, откровенный разговор, и когда Регби Ешиевич хотел с ним говорить в частном порядке, Его Святейше-

ство всегда шел на откровенный разговор по интересующим Пубаева вопросам. В справке о визите делегации Далай-ламы Пубаев не обходит вниманием и негативные стороны организации визита высокого гостя. Он пишет, что за 3 визита в Бурятию (1979, 1983, 1986) Его Святейшество никуда не выезжал за пределы Иволгинского дацана, виделся и общался только с верующими. «Как ему это понимать? Как нежелание местных властей или желание их что-то скрыть?» – риторически спрашивает Пубаев. Регби Ешиевич также замечает, что тибетская делегация вынуждена была увезти обратно в Индию привезенную с собой литературу по тибетологии и буддологии, так как Иволгинский дацан и Бурятский филиал СО АН не сочли нужным предоставить делегации свои собственные материалы и публикации. Еще он отмечает проблемы организационного характера. То, что Пубаеву приходилось то раньше делегации выезжать (из Улан-Удэ в Москву), то позже приезжать (из Москвы в Ленинград), «настораживало членов делегации». «Куда Вы, профессор, исчезли?» – спрашивал секретарь Далай-ламы Таши-Ванди, вызывая у Регби Ешиевича чувство неловкости. Пубаев сетует на то, что не оправдались его расчеты на то, что в Институте востоковедения и его Ленинградском отделении будут затронуты интересующие востоковедов вопросы. Он также пишет: «Мой расчет на то, что международный отдел ЦДУБ в Москве даст делегации Далай-ламы прощальный обед или ужин, на котором можно было бы обменяться речами, впечатлениями и подвести какой-то итог визиту делегации, вручить им подарки в торжественной обстановке с пожеланием делегации всего доброго, также не оправдался». Он отмечает, что «в постоянных хлопотах достать билет» и прочее «для работников международного отдела ЦДУБ не остается времени на то, чтобы продумать кое-что важнее всего этого в области политики, науки и культуры, что-то извлечь из общего дела, что, конечно, выходит за

рамки приема иностранных буддийских организаций».

Общение с буддийскими деятелями Тибета, командировка в Непал расширили исследования ученого по теме «Современное состояние буддизма в СССР и странах Юго-Восточной Азии» Госкомитета СМ СССР, которая была утверждена в 1971 г. В архиве ученого сохранены рукописи работ «Движение азиатских буддистов за мир и образование АБКМ», «Маоизм и буддизм» по культурной революции в Тибете, «Положение буддизма в современной Индии», «Современное положение в Тибетском автономном районе», «Положение буддийской церкви Тибета», отчеты «Современное состояние буддизма в странах Азии», «Отчет о командировке в Непал» и др. Сотни страниц составляют отчеты экспедиций, командировок, работы отдела, планы и т. д.

Немаловажное значение Регби Ешиевич придавал общественной деятельности. Он был одним из инициаторов празднования в 1991 г. 250-летия официального признания буддизма в России и проведения в честь этого события научной конференции. Его Святейшество Далай-лама был почетным гостем на этом мероприятии. Пубаев принимал активное участие в деле возрождения национальной культуры бурятского народа. Выступая с лекциями и докладами на общественных мероприятиях, телевидении, радио, в печати, он поднимал актуальные вопросы восстановления народных традиций, праздников, родного бурятского языка. Регби Ешиевич возглавлял Бурятское отделение Буддологической ассоциации СССР, являлся президентом Бурятского отделения Общества советско-индийской дружбы. Длительное время был председателем профкома, секретарем партбюро института, награжден многими почетными грамотами советских и партийных органов, президиума СО АН СССР и Бурятского филиала СО АН СССР, являлся ветераном Сибирского отделения Академии наук СССР и ветераном труда. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Бур. АССР.

Оценивая жизнь и научное творчество Пубаева, а вместе с ним и многих наших ученых-востоковедов, хочется привести слова С. Ф. Ольденбурга из некролога в память об академике В. П. Васильеве: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд – все это встречается с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды «первых» томов, «первых» выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей» [1982: 9–10]. Говоря о Регби Ешиевиче, сказанное Ольденбургом представляется верным в том, что очень большая часть замыслов Регби Ешиевича осталась, к сожалению, нереализованной. Возможно, что эта участь большинства ученых – пионеров своей отрасли науки. Регби Ешиевич опубликовал более 70 научных работ. Его аспиранты Ц. П. Ванчикова, Р. Д. Дугаров, Ю. Ж. Жабон успешно защитили кандидатские диссертации по тибетологии и монголоведению.

Регби Ешиевичу было всего 63 года, когда он ушел из жизни. Очень жалко, что его жизнь прервалась в тот момент, когда в стране началось потепление политической атмосферы, сошел на нет идеологический диктат в науке, началось возрождение буддизма, были инициированы реформы в Китае, соответственно и в Тибете, возвращались из забвения имена незаслуженно репрессивных бурятских деятелей, по-новому рассматривалась история монголов и бурят. К этому времени стали постепенно воплощаться в жизнь большие замыслы Регби Ешиевича, он был полон новых идей и творческих планов [VIII].

У Регби Ешиевича и Хандажаб Батуевны пятеро детей. С нами жили 2 наших дедушки и тетя – старшая сестра Регби Ешиевича, помогавшая смотреть за детьми. Помимо нашего большого семейства

у нас постоянно обитали многочисленные родственники из Аги, которым родители всегда помогали. У нас часто бывали гости – родственники, друзья родителей, зарубежные коллеги. Внимательный и заботливый в семье и среди друзей, отец всегда находил доброе слово для каждого. Добрый, терпеливый и скромный,

Регби Ешиевич не терпел обывательских разговоров, критики и злословия. Однако он любил собираться в кругу друзей, играть с коллегами в шахматы, очень любил бурятские и монгольские песни и сам неплохо их исполнял на пару с Хандажаб Батуевой. У них пятеро внуков и внучек и семеро правнуков [IX].

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

Примечания

I. Настоящая статья – переработанная и дополненная версия статьи И. Р. Гарри (см.: Регби Ешиевич Пубаев (1928–1991) // От Дуньхуана до Бурятии: по следам тибетских текстов. Российские тибетологи к 80-летию со дня рождения Р. Е. Пубаева / отв. ред. Н. В. Цыремпиев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009).

II. Бутид-абжаа была домохозяйкой, жила в нашей семье. Баир Ешиевич Пубаев был сельхозтехником колхоза им. Кирова. Владимир Жигжитович Цыренов – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой биотехнологии, проректор по науке ВСГУТУ, заместитель директора Института биологии БНЦ СО РАН; Янжима Эрдынеевна Дондокова – чабан колхоза «Путь Ильича», Дондок Мункуевич Дугаров – механизатор колхоза им. Кирова.

III. Я специализировалась по той же кафедре, что и отец. На кафедре висел стенд «Выпускники кафедры – доктора исторических наук». Среди фотографий известных ученых было трое бурят – Д. Б. Улымжиев, Ш. Б. Чимитдоржиев и Р. Е. Пубаев.

IV. Ученый с мировым признанием // Буряад Унэн. – 2003. – 18 декабря.

V. Текст «Пагсам-чжонсана» был издан в КНР Народным издательством провинции Ганьсу в 1992 г. и составил 1021 страницу книжного формата.

VI. Я пыталась продолжить работу по изданию текста перевода Р. Е. Пубаева. В сборнике статей «Культура Центральной Азии: письменные источники», посвященном 70-летию Р. Е. Пубаева, опубликован перевод Пубаева фрагмента о космологии буддизма из «Пагсам-Чжонсан» с предисловием и комментариями И. Р. Гарри (1998). К сожалению, по ряду причин дальнейшая работа по полному изданию текста перевода была приостановлена.

VII. В архиве ученого находятся многие разработки этого плана, переводы и исследование некоторых глав сочинения. На их основе мною был сделан при помощи А. М. Донца и Д. Б. Дашиева перевод глав сочинения Тугана, посвященных школам Ньингмапа и Чжонанпа. Р. Н. Крапивина осуществила самостоятельно перевод и исследование главы о школе Сакьяпа. Перевод нескольких глав сочинения сделал А. М. Донец.

VIII. К этому времени я уже работала в институте и собиралась поступать в аспирантуру. Когда зашла речь о перспективах моей научной деятельности, то отец предложил мне заняться исследованием современного положения буддийской церкви в Тибете, по которому он собрал много материалов в Непале. Мой же научный руководитель незабвенный Владимир Иванович Корнев советовал мне заняться буддийской символикой. Все, что успел сделать отец для моего выбора, это был его совет отказаться от занятий символикой. В результате тему диссертации мне пришлось выбирать самой уже после поступления в аспирантуру. Я очень рада, что много позже я все-таки занялась политической историей Тибета, в 2009 г. вышла моя монография «Буддизм и политика в Тибетском районе КНР».

IX. Мы с мужем Игорем окончили, как и отец, восточный факультет Ленинградского университета. Наш сын Миша учится на родной кафедре отца, изучает историю Вьетнама и Китая и стал в семье третьим поколением восточников.

Литература

Гарри И. Р. Регби Ешиевич Пубаев (1928–1991) / И. Р. Гарри // От Дуньхуана до Бурятии: по следам тибетских текстов. Российские тибетологи к 80-летию со дня рождения Р. Е. Пубаева / отв. ред. Н. В. Цыремпиллов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 3–19.

Дондуков У.-Ж. Ш. Годы, проведенные в Ленинградском университете / У.-Ж. Ш. Дондуков // Д. А. Алексеев – выдающийся ученый-монголовед. – Улан-Удэ, 2008. – С. 112–118.

Ламбаев Т. П. Открывал мудрость Востока / Т. П. Ламбаев // Забайкалье: наука, культура, жизнь. – 2008. – № 1.

Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму / С. Ф. Ольденбург; отв. ред. Л. З. Эйдлин // Наука о Востоке. – М.: ГРВЛ, 1982. – С. 6–30.

References

Garri I. R. Regbi Eshievich Pubaev (1928–1991) / I. R. Garri // Ot Dun'huana do Buryatii: po sledam tibetskikh tekstov. Rossijskie tibetologi k 80-letiyu so dnya rozhdeniya R. E. Pubaeva / отв. ред. N. V. Cyrempilov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2009. – S. 3–19.

Dondukov U.-Zh. Sh. Gody, provedennyye v Leningradskom universitete / U.-Zh. Sh. Dondukov // D. A. Alekseev – vydayushchijsya uchenyj-mongoloved. – Ulan-Ude, 2008. – S. 112–118.

Lambaev T. P. Otkryval mudrost' Vostoka / T. P. Lambaev // Zabajkal'e: nauka, kul'tura, zhizn'. – 2008. – No. 1.

Ol'denburg S. F. Pamyati Vasiliya Pavlovicha Vasil'eva i o ego trudah po buddizmu / S. F. Ol'denburg; отв. ред. L. Z. Ejdlin // Nauka o Vostoke. – M.: GRVL, 1982. – S. 6–30.